

Учамбина, И. Опыт прочтения повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» в старших классах [Текст] / И. Учамбина // Лит. в школе. – 1995. - № 4. – С. 69-75.

*...Книги, может, самое лучшее из всего,
что способны оставить после себя
сыны человеческие.
Тем более такие книги.*

*Василь Быков
о повести В. Некрасова
«В окопах Сталинграда»*

Виктор Некрасов... Современному школьнику это имя мало что говорит, впрочем, как и поколению нынешних 30-летних. Еще бы! Начиная с 70-х годов «критиками-проработчиками» было сделано все, чтобы имя писателя Некрасова, как и имена других «антисоветчиков» — Солженицына, Владимова, Максимова (список можно еще долго продолжать), было забыто, втоптанно в грязь. Оно было отовсюду вычеркнуто (в том числе и из БСЭ), а книги писателя предавались партийной анафеме и изымались из всех библиотек. «Кому это нужно? — спрашивал себя Виктор Некрасов в марте 1974 года.— Стране? Государству? Народу? Не слишком ли щедро разбрасываемся мы людьми, которыми должны гордиться? Стали достоянием чужих культур художник Шагал, композитор Стравинский, авиаконструктор Сикорский, писатель Набоков. С кем же мы останемся? Ведь следователи из КГБ не напишут нам ни книг, ни картин, ни симфоний.» Все верно. Но, к счастью, к нам возвращаются отнятые когда-то у нас картины, музыка... Возвратились и повести Виктора Некрасова.

Удивительна судьба этого человека, и много в ней еще для нас неизвестного. Виктор Платонович Некрасов родился в Киеве в 1911 году. Родители из «бывших» — дворяне; интеллигентная, «с хорошими традициями» семья. Некрасов закончил архитектурный институт и актерскую студию. Играл в разное время в нескольких театрах, последний — театр Красной Армии в Ростове-на-Дону, откуда и был взят на фронт в первые дни войны. Дважды был ранен, «имел три дырки в теле от немецких пуль и осколков». После второго ранения направлен в Киевский окружной госпиталь. Была парализована правая рука: пуля задела нерв. Госпитальный врач сказал, что пальцы нужно приучать к мелким движениям, посоветовал писать девушкам письма».

Но он стал писать о Сталинграде. Рукопись повести «В окопах Сталинграда» попала сначала к В. В. Александрову, который отдал ее А. Т. Твардовскому с таким комментарием: «Простой офицер, фронтовик, слыхом не слыхал, что такое социалистический реализм».

Александр Трифонович порекомендовал повесть журналу «Знамя», где она и была напечатана в 1946 году. В том же году В. Некрасову присуждена Сталинская премия, несмотря на то, что, как вспоминал писатель, «книгу немало и поругивали». Большой друг и редактор Некрасова А. С. Верзер комментирует это событие так: «Видимо, Сталин ожидал, в качестве благодарности, создания мифов о сталинских чудесах», о «любимом и дорогом Иосифе Виссарионовиче». «Но такого неблагодарного лауреата, как Виктор Некрасов, у Сталина не было никогда. У Некрасова не шевельнулась бровь, не изменился голос, ни на секунду не дрогнуло перо в его руке. Он остался верен себе, своему будущему пути».

Почти через год, по указанию Сталина, был закрыт журнал «Знамя», сняты с работы главный редактор Вс. Вишневский и его заместитель Н. Тарасенков. Сама повесть, имевшая неслыханный читательский успех, дважды подвергалась обстрелу критики и лично товарища Поликарпова — идейного руководителя Союза писателей.

Но, несмотря ни на что, Некрасов продолжал писать. В 1954 году в журнале «Новый мир» была напечатана повесть «В родном городе» — горькая и печальная правда о том, к какой нелегкой, неустроенной жизни возвращаются с фронта солдаты-победители.

Появляются рассказы «Вторая ночь», «Случай на Мамаевом кургане». В 1969 году, практически первым в нашей литературе, Некрасов рассказал в повести «Кира Георгиевна» о том, как возвращаются домой из сталинских лагерей. В печати появлялись и зарубежные очерки писателя: «Первое знакомство» (1957), «По обе стороны океана» (1962), которые лично Н. С. Хрущев 8 марта 1963 года подверг «жестоким критике»: «Некрасов, да не тот!» — кричал с высокой трибуны Никита Сергеевич.

Писателя клеймили позором, завели «персональное партийное дело и вынесли строгий выговор за то, что в Америке я увидел не только трущобы и очереди безработных за похлебкой».

Вновь очерки увидели свет уже после «падения Хрущева».

Частью жизни писателя и гражданина Виктора Некрасова стал Бабий Яр, место массового расстрела советских людей, который то хотели превратить в свалку, то на этом месте построить стадион. Некрасов писал, выступал, рассказывал, доказывал, боролся за то, чтобы поставить памятник погибшим. 29 сентября 1966 года — в 25-ю годовщину расстрела — в Бабьем Яру собрался огромный митинг. Некрасов выступил с речью. С этого дня началось новое персональное дело писателя — за организацию «массового собрания», которое закончилось вторым строгим выговором. А в 1972-м — уже без всякого повода — появилось третье персональное дело, за «старые грехи». Некрасова исключили из партии за то, что «позволил себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии».

«Так отпраздновал я — чуть ли не день в день — тридцатилетие своего пребывания в партии, в которую вступил в Сталинграде, на Мамаевом кургане, в разгар боев», — горько усмехался писатель. Но этого мало! 17 января 1974 года в его киевской квартире был произведен обыск, который длился сорок два часа. К концу вторых суток увезли с собой семь мешков рукописей, книг, журналов, писем, пишущую машинку, магнитофон. Один из близких вспоминает: «Вся его уникальная киевская квартира была разрушена, вея писательская жизнь оскорблена и осквернена... шесть дней с утра до вечера он сидел на допросах. Ему было сказано, что он из «окопов Сталинграда» перебрался в окопы врагов».

Некрасов, оказавшись в тупике, продолжал писать, хотя состояние его было ужасно, он «чернел лицом и быстро седел». Ему намекали: право творить и печататься можно заработать. Стоит только начать подписывать определенные письма. «Неужели, — писал в 1971 году Некрасов, — кто-то мог подумать, что порядочный человек может позволить себе включиться в этот позорный поток брани, который вылился на голову достойнейших людей нашей страны — Сахарова и Солженицына?.. Нет, пусть уж лучше читатель обойдется без моих книг, он поймет, почему их не видно. Он, читатель, ждет. Но не пасквилей, не клеветы, он ждет правды. Я никогда не унижу своего читателя ложью».

В 1974 году В. Некрасов уехал в Швейцарию, потом поселился в Париже. Но и там — всей своей жизнью, всей писательской работой — он доказывал: честь для писателя так же важна, как и его талант, везде и всегда нужно жить достойно, а все удары судьбы переносить мужественно.

1 июня 1975 года В. Некрасов умирал в парижском госпитале от перитонита. После труднейшей операции врачи вынесли приговор: безнадежен. Но он выжил вопреки всем законам медицины. И прожил еще двенадцать нелегких лет, скрашиваемых путешествиями и встречами с друзьями, а последний год — надеждой на новую «оттепель».

Писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев вспоминает: «До боли обидно, что до возвращения Некрасова на родину не хватило каких-нибудь полутора—двух лет. А он очень тосковал по России. Тогда (в 1983 г.) он говорил мне: «Не по березкам я соскучился — березки и здесь есть, я соскучился по общению, по друзьям». Но, наверное, скучал и по Киеву, и по Москве, и по Питеру... говорил он мне, что самым тяжелым днем для него за границей был День Победы. В этот день он бродил по Парижу в безуспешных поисках хотя бы одного русского, который бы воевал, чтобы с ним, а не одному выпить рюмку водки за этот горький, но великий праздник, но, увы, не находил... И мне повезло, что я попал в Париж именно к этому дню, что смог постоять у могилы Виктора Платоновича и мысленно поздравить его

как фронтовик фронтовика...»

Непроста судьба писателя, удивительна судьба его повести. Рекомендую «В окопах Сталинграда» для самостоятельного чтения и последующего обсуждения в классе, мы говорим, что это не только лучшее произведение писателя, но первая правдивая книга о войне. От нее пошла наша честная военная проза, взяло начало целое направление в литературе, получившее название «лейтенантской прозы», представленное Ю. Бондаревым, Г. Баклановым, В. Быковым. Кто-то из них не случайно сказал: «Все мы вышли из некрасовских окопов Сталинграда».

Чем же так покорила, потрясла читателей повесть? Тем, что противостояла всем законам тогдашней литературы. Сам автор говорил, что в его повести нет ни генерала, ни политработника: только солдаты и офицеры, и еще его, некрасовский, сталинградский окоп.

Обратившись непосредственно к тексту повести, задаем ребятам вопрос:

— В чем своеобразие авторского повествования?

— Повествование ведется от первого лица: это похоже на дневниковые записи. Фиксируется почти каждый день пребывания военного инженера, лейтенанта Керженцева на фронте.

— Кроме описаний боев, в книге много воспоминаний героя, его размышлений о пережитом; о том, как изменила его война. Юрий пытается разобраться в происходящем, наблюдает, оценивает, переживает за неудачи, радуется успехам. Героев повести мы тоже видим глазами Юрия.

— Благодаря автору перед читателями проходит множество персонажей. С одними мы встречаемся не один раз, другие появляются в небольших эпизодах, а имена некоторых вообще нам неизвестны. Мы видим, кому Юрий сочувствует, кто ему нравится, кто вызывает справедливый гнев и презрение.

— В записях героя совершенно отсутствует патетика. Для него это обычные дни, будни, а порой «нудная тягомотина». Изображение событий скупое, сжатое, нигде Юрий не пишет о том, что они участники самого грандиозного сражения Великой Отечественной — Сталинградской битвы, по сути, герои.

— Вспомним, что известно нам о Сталинградской битве?

— Она имела два этапа: оборонительный и наступательный. И день начала наступательной операции упоминается в повести: это 19 ноября 1942 года — день рождения Юрия. Бойцы еще сокрушаются о несостоявшемся празднике с тушеным «зайцем».

Бойцы, герои повести, защищают Мамаев курган — возвышенность в центральной части Сталинграда. Из истории известно, что бойцы 284-й стрелковой дивизии отбивали ежедневно по несколько атак и проявляли буквально чудеса героизма и стойкости, защищая Восточный склон Мамаева кургана. Бои за

Мамаев курган велись 135 суток, вершина его неоднократно переходила из рук в руки. В январе 1943 года штурмовые группы 284-й стрелковой дивизии выбили противника с вершины, а 26 января на Северо-Западном склоне соединились войска 62-й и 21-й армий. На этом месте был установлен танк Т-34, первым прорвавшийся на соединение с защитниками города.

Сейчас на Мамаевом кургане — грандиозный памятник — ансамбль «Героям Сталинградской битвы», здесь горит Вечный огонь и стоит почетный караул, сюда ежедневно приходят люди, чтобы поклониться тем, кто остался на Мамаевом кургане навсегда.

— Сталинград, Мамаев курган, солдаты, офицеры... В каком слове мы могли бы объединить эти действующие лица повести? Да, в слове «война». Какой предстает перед нами война со страниц повести «Б окопах Сталинграда»? — это был один из вопросов вашего домашнего задания.

— Еще в «Севастопольских рассказах» Лев Толстой писал: «Вы увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти». Мне кажется, что Виктор Некрасов во многом следует толстовской традиции в изображении войны. Так показана гибель связного штаба Лазаренко (гл. 6, ч. I).

«— Капут... кажется — он пытается улыбнуться. Из-под рубашки вываливается что-то красное. Он судорожно сжимает это пальцами. На лбу выступают крупные капли пота... Он весь напрягается. Хочет приподняться и вдруг сразу обмякает. Губа перестает дрожать».

— Вот мы видим гибель пулеметчика Петрова: «Глаза его вдруг останавливаются и весь он медленно, как-то боком, садится на дно. Мы даже не слышали выстрела. Пуля попала прямо в лоб между бровями» (гл. 19, ч. I).

— «Лица красные, потные, осатанелые, голоса хриплые» (гл. 9, ч. I) — вот что такое война в первой части повести. Бомбежки, жара, неразбериха, сумятица, всеобщее смятение. Стыд, неловкость испытывает Юрий за то, что он, командир, «не знает, где его взвод, полк, дивизия». А ведь казалось, что самое страшное — отступление под Москвой — уже позади. Но наши войска снова отступают. И Юрию мучительно стыдно перед мирными жителями, которых они оставляют, ибо он чувствует свою вину за то, что те «завтра проснутся и увидят немцев». «Самое страшное на войне — не снаряды и бомбы, а бездеятельность, отсутствие цели». Война — это трудная работа, это не только бои, но и тяжелый физический труд. «Бойцы долбят кирками твердый, как камень, грунт. Двое долбят, двое вынимают землю ведрами, двое крепят лес... Пахнет копотью, потом и сырой землей». Кем только не приходится быть порой бойцу на войне: и столяром, и плотником, и печником. Кроме боевых качеств, на фронте

еще ценится умение выжить, приспособиться к условиям, умение выстроить землянку, блиндаж, достать еду, накормить себя и товарищей, устроить ночлег. Вот ординарец Юрия — Валега — очень полезный, ловкий, незаменимый человек.

— Вы правы,— продолжаю я разговор с классом.— Кровь, пот, окопы, Смерть... к этому, казалось бы, давно должен привыкнуть Юрий, но не может. Нельзя привыкнуть к тому, что смерть и жизнь на войне рядом, что смерть буквально ходит за бойцами по пятам.

В 16-й главе читаем: «Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурок на губе. Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть». А может, в следующую минуту уже и ты будешь лежать вот так же, как этот боец. Война — это страшно, это страдания и смерть.

— Скажите, влияет ли война на характеры людей? И если да, то как?

— Влияет, конечно. Одних, испугавшихся, сломившихся, делает окончательно трусами и приспособленцами (вспомним Калужского), других закаляет, они становятся более твердыми, решительными, способными на поступок (как Фарбер в сцене суда над Абросимовым), третьих делает более терпимыми (как разведчика Чумака). На войне происходит взросление, мужание и Юрия Керженцева.

— Обратимся к образу главного героя. Мы узнаем, что Юрий, как и писатель Некрасов, по образованию архитектор. Оба родились в Киеве. И тот и другой начинают войну лейтенантами, оба были ранены на войне. Даже увлечение у них одно — марки. Может быть, автор и его герой — одно лицо?

— Нет, вряд ли повесть можно назвать автобиографической, хотя духовно Юрий Керженцев и Виктор Некрасов очень близки,— просто это люди одного поколения, их судьбы похожи, как и судьбы многих их сверстников, молодых интеллигентов.

Вновь вступаю в разговор:

— Вот вы говорите, Юрий — интеллигент. А встречались вам в литературе интеллигенты на войне? И как они себя проявляли?

— Да, мы видели такого героя — Мечик из романа А. Фадеева «Разгром». Но это совершенно другой герой, и позиция Фадеева отличается от некрасовской. У него само слово «интеллигент» чуть ли не ругательное, Мечик показан как трус и предатель, хлюпик и «никчемный пустоцвет».

— Согласны вы с таким взглядом Фадеева на интеллигенцию? Нет? Вот и замечательный наш писатель В. Быков солидарен с вами. Он пишет: «Виктор Некрасов увидел на войне интеллигента и, в отличие от расхожего в нашей литературе взгляда на него как на

хлюпика, жизненную никчемность, человека не от мира сего, утвердил его правоту и его значение как носителя духовной ценности в условиях, так мало способствующих какой-либо духовности». Каким Юрий был до войны?

— «Немного иным,— говорит сам Юрий.— Любил на луну смотреть, и шоколад любил, и в 3-м ряду партера сидеть, и сирень, и выпить с ребятами». А на войне Керженцев — «бывалый» солдат, но, кажется, он менее всего предназначен был для военной жизни. Архитектура, живопись, музыка, книги — вот что интересовало его до войны. Не зря же Чумак говорит о нем: «А я думал, вы стихи пишете. Вид у вас такой, поэтический». И отношение разведчика к Юрию здорово меняется: от полного пренебрежения (до войны Чумак таким интеллигентам «морды бил») до уважения и признания смелости и мужества лейтенанта Керженцева, когда тот ведет бойцов в атаку при взятии сопки.

Задаю следующий вопрос: «Что же помогало Юрию, укрепляло его?»

— Та самая духовность, о которой пишет Быков. Ведь не зря в повести так много воспоминаний Юрия о родном городе, о доме, семье, матери. Героизм его определяется не особыми бойцовскими качествами, а твердым сознанием, что ту, прежнюю жизнь нужно защищать.

Но как? Чем защищать, когда противник во много раз превосходит и в силе, и в технике? А самолеты: «юнкерсы», «хейнкели», «мессеры» — прилетают и бомбят точно по расписанию? А у нас? Жалкий, по сравнению с фашистскими самолетами, «илюша» да еще «кукурузник»! — против мощной-то Германии. И мы отступаем, отступаем...

Инженер ТЭЦ Георгий Акимович говорит: «Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют. Но шансов у нас все-таки мало. Нас сможет спасти только чудо. Иначе нас задавят. Задавят организованностью и танками» (гл. 16, ч. I). Чем же объяснить то, что мы все-таки выдержали этот мощный натиск, выстояли, победили? Как автор через своих героев объясняет это?

— Лейтенант Свидерский говорит: «Вы понимаете, что главное? Что люди у нас немножечко другого сорта. И поэтому-то мы воюем. До сих пор воюем. Даже здесь, на Волге, потеряв Украину и Белоруссию, воюем. А какая страна, какой народ выдержал бы это?»

— В той же 16-й главе (ч. I) есть замечательный фрагмент. Юрий, размышляя о том, что это за русское чудо, вспоминает один эпизод: бойцы, расположившиеся на отдых, «поют грустную песню про Днепр и журавлей», и молодой негромкий голос говорит о том, что лучше нашей земли нигде не сыщешь, она «жирная, настоящая». И Юрий думает: «...в песне той, в тех простых словах о земле... было что-то... Я даже не знаю, как это назвать. Толстой называл это скрытой

теплотой патриотизма. Возможно, это самое правильное определение. Возможно, это и есть то чудо, которого так ждет Георгий Акимович, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с черными крестами».

— Любовь к родной земле, твердость духа, мужество, и — солдатская хитрость, смекалка, умение находить выход из самых затруднительных положений — вот что спасает наших бойцов.

— А как показаны в повести собственно военные операции?

— Во второй части их две. Первая — это когда приехавший из штаба (гл. 20) полковник ставит перед Юрием и его батальоном задачу: «атаковать высоту, защищенную тремя основными, не считая вспомогательных, пулеметами и, наверно, еще заминированную». Атаковать и закрепиться. Сопка взята, но оказывается, что наши бойцы отрезаны от основных войск. И вот — три дня ожидания, когда придут на соединение наши. Но это не просто ожидание — приходится отбивать постоянные атаки фашистов, есть убитые, умирают раненые, на исходе патроны, почти нет воды. Сам Юрий ранен во время одной из атак. Но — они выстояли.

— И еще одна атака показана в повести — приказано овладеть нефтеналивными баками. «Опасный парень. Людей не жалеет», — говорит о начальнике штаба, капитане Абросимове сапер Лисагор. В портрете капитана автор выделяет «холодные, безжизненные глаза». И эта характеристика полностью подтверждается дальнейшим ходом событий. Абросимов, угрожая комбату Ширяеву пистолетом, отправляет бойцов в лобовую атаку, хотя Ширяев предлагает план, щадящий человеческие жизни. Для Абросимова это — выражение трусости: «Покажу я вам, как свою шкуру спасать.» Траншеи какие-то придумали себе.. Пристрелю как трусов». В итоге «батальон потерял двадцать шесть человек, почти половину, не считая раненых». «Мы хоронили товарищей — Харламова, Сендецкого и командира взвода с седой прядью... Карнаухова так и не нашли. Говорят, видали, как он с четверьмя бойцами ворвался в немецкие окопы. Там, по-видимому, и погиб». Какую боль, какое горе испытывает при этом Юрий и его товарищи! Трагедия в том, что таким, как Абросимов, доверено командовать людьми! Майор Бородин говорит на суде: «Не бывает войны без жертв. Но то, что произошло во втором батальоне вчера — это уже не война. Это истребление. Абросимов превысил свою власть... А люди погибли».

Напоминаю ученикам об аналогичной ситуации в романе К. Симонова «Солдатами не рождаются». Герой романа, генерал Серпилин, размышляет: «Если превысить власть — это кровь, но и не использовать ее в минуту необходимости — тоже кровь». О генерале Серпилине говорили, что он умеет на войне беречь людей, и это его качество особенно ценно для К. Симонова и для читателей. «Что значит беречь людей? — спрашивает Серпилин и отвечает: — Беречь

на войне людей — всего-навсего значит не подвергать их бессмысленной опасности, без колебаний бросая навстречу опасности необходимой. А мера этой необходимости на твоих плечах и на твоей совести...» Таким образом, в настоящих войнах, независимо от их звания, тесно сплетаются смелость и осторожность, чувство ответственности, решительность и обдуманность поступков, гражданское мужество и человечность. Иначе — не победить

— Юрий много рассказывает о людях, которые ему нравятся. Что это за люди? Что он в них ценит?

— Целая вереница ярких, запоминающихся лиц проходит перед читателем, который видит их глазами Юрия: это Игорь Свидерский, сапер Лисагор, командир роты сержант Гаркуша, майор Бородин. Юрий замечает все хорошие стороны окружающих людей. Ценит смелость, готовность до конца выполнить долг. Юрий с нескрываемой симпатией говорит о своем восемнадцатилетнем ординарце и связном Валеге: «Это замечательный паренек. Он никогда ничего не спрашивает и ни одной минуты не сидит без дела. Куда бы мы ни пришли, через пять минут уже готова палатка. Котелок сверкает всегда как новый... Он умеет стричь, брить, чинить сапоги, разводить костер под проливным дождем... За все девять месяцев нашей совместной жизни мне ни разу не пришлось на него рассердиться». При этом какой он храбрец! Под огнем фашистов ординарец пробирается на сопку, где Юрий с товарищами отбивает вражеские атаки («Тушенку принес, шинель...»). И тут же готовит бойцам ужин, причем горячий, а спустя некоторое время для задыхающихся пулеметов достает (украден у немцев) «кислое вина», так как воды достать невозможно.

— А вот командир 4-й роты Карнаухов. Поражает цельность его натуры. Он мало говорит, много делает. Он спокоен в самых трудных ситуациях, просто, честно выполняет свой долг, он наплюет на сон и отдых, а будет, если надо, до утра чертить схемы обороны или, не задумываясь, побежит штурмовать немецкий окоп, где и погибнет. А с какой хитростью и изобретательностью он добывает у немцев пулемет! А тетрадка со стихами, которую он так трогательно прячет от всех! А его увлечение Джеком Лондоном! А его замечательное пение! «Песни всё русские, задумчивые. Хорошо поет. И лицо у него хорошее, какое-то ясное, настоящее», — любуется Карнауховым Юрий. И тем больней горечь утраты. Только после его гибели прочитал Юрий стихи Коли Карнаухова — «простые, ясные, чистые — такие, каким он был сам».

— Я хочу рассказать о сапере и пулеметчике Седых. «Мне нравится Седых, — говорит Юрий. — Нравится его курносая, детская физиономия, его чуть раскосые, смеющиеся глаза, брызжущая из него молодость». Он здоров, силен, Керженцева смешат и умиляют его любознательность, его наивность, стремление во что бы то ни стало

получить орден. Война на время разводит лейтенанта Керженцева и Седых, и тем радостней для них встреча в финале повести. И мы вместе с Юрием радуемся тому, что Седых «возмужал», что он «такой же румяный, крепкий, как и прежде, и глаза прежние — веселые, озорные». И на груди поблескивает орден — добился-таки своего!

— Они по сути совсем еще мальчишки: Валега, Седых и еще сотни таких же... Но они прекрасно знают, что на фронте так: «Был вчера — сегодня нет. А завтра, может, и тебя не будет. И так же глухо будет падать земля на крышку твоего гроба... А может, и гроба не будет, занесет тебя снегом, и будешь лежать, уткнувшись в землю, пока война не кончится». А может, и еще много лет. Ведь знаем, лежат еще наши солдатики, занесенные снегом, пеплом, песком, непохороненные, и никто не знает, сколько им еще вот так лежать. И если верно говорят, что война заканчивается только тогда, когда похоронен последний солдат, павший на поле боя, то для нас она еще продолжается — Великая Отечественная, так же, как не закончена она и в повести В. Некрасова.

— О каких замечательных людях мы поговорили! Но Некрасов не стал бы большим писателем, если бы не был реалистом. Ведь были на войне и другие примеры. О капитане Абросимове мы уже упоминали. По отношению к каким персонажам мы чувствуем авторскую недоброжелательность? Как проявляет автор свое отношение?

— В первой части повести упоминается Калужский — «помощник по тылу». Читателю по выразительным деталям ясно отношение к нему Юрия: «От него пахнет водкой, гимнастерка расстегнута, гладкое лицо с подбритыми бровями красно и лоснится», «короткие, жирные от масла пальцы». Как отвратителен — на фоне тяжелого отступления, потерь, пота, крови,— как омерзителен Калужский со своим стремлением забраться в глубокий тыл, спасти свою шкуру, да еще при этом урвать побольше! Читателю, пожалуй, так же как и Игорю, другу Юрия, тоже хочется «размахнуться и дать ему по самодовольной роже».

— Иронически, даже саркастически изображен помощник начальника штаба Астафьев: «...изящный, с онегинскими бачками и оловянным взглядом. Он картавит на французский манер. По-видимому, считает, что ему идет. Мы с ним знакомы только два дня, но он уже считает меня своим другом и называет Жоржем». Характеристика прямо-таки в стиле Печорина. Юрию претит его имя Ипполит (ибо сам он напоминает толстовского Ипполита Курагина), его недалекость и самоуверенность, его «грациозные жесты» и розовые ногти, но более всего — его рассуждения о том, что им, «людям образованным и культурным», следует позаботиться о «материалах для будущей истории». И чего стоит «образованный и

культурный» Астафьев по сравнению с малообразованным сапером Гаркушей, разведчиком Чумаком, теми же Валегой, Петровым! Кто из них полезнее на войне — читатель уже давно понял. И последняя, уничтожающая деталь, связанная с ранением, довершает характеристику старшего лейтенанта Астафьева: «седалищный нерв задет, боль адская». Говоря словами Чумака, ему «фрицы вlepили осколок прямо в задницу. Но — ничего, так спокойнее историю писать».

— Давайте подведем итог. Что же за человек главный герой повести Юрий Керженцев?

— Он, настоящий интеллигент, никогда бы, наверное, не позволил себе того, что позволяют другие — Чумак, например, который забирает у убитых фрицев «трофейчики: ручки, часики, зеленые папиросы».

— Он умен, смел, доброжелателен и внимателен к людям. Он более спокоен и выдержан, чем, например, Игорь, который готов броситься с кулаками на негодяя Калужского, или комбат Ширяев, который вступает в спор с капитаном Абросимовым о способе атаки. Юрий в этом случае, видя бесполезность дискуссии, видя, что Абросимов в таком состоянии, что сейчас «повалится и забьется в конвульсиях», просто поворачивается и уходит. Он и свой рассказ ведет четко, ясно, порой без излишних эмоций, без надрыва и патетики. Вот они с Люсей сидят на Мамаевом кургане и смотрят на город и на Волгу. Пока еще никто не знает, чем станет это место в истории Великой Отечественной.

Пока Мамаев курган «плоский и некрасивый... Но вид отсюда действительно замечательный». Замечтавшаяся Люся спрашивает Юрия, о чем он думает. «О пулемете. Здесь хорошее место для пулемета», — неожиданно отвечает тот. И это понятно. Хотя ему смертельно надоела и война, и пулеметы, но это уже привычка: на войне думать только о войне, что означает беречь людей, исполнять свой долг, в любых обстоятельствах оставаться человеком.

— В повести есть один персонаж, который, как мне кажется, наиболее близок по духу нашему герою. Кто это, как вы думаете?

— Может быть, лейтенант Фарбер, «комроты пять»? Они с Юрием ровесники — обоим по 28 лет, оба лейтенанты, интеллигенты. Хотя они не сразу нашли общий язык. «Я до сих пор не могу раскусить его, — говорит Юрий (гл. 5, ч. II). — Впечатление такое, будто ничто на свете его не интересует... страшно близорукий, он почти ни с кем не разговаривает. До войны он был аспирантом математического факультета Московского университета. Узнал я об этом из анкеты, сам он никогда не говорил». Юрий неоднократно пытался разговорить его, расшевелить, — но все безрезультатно: «Все как-то проходит мимо, обтекает его, не за что зацепиться. Чувство любопытства, так же как и чувство страха, у него просто атрофировано». Он не придает

внимания своей внешности, не нашивает на шинель знаки различия, не берет себе связного, хотя ему и положено. В общем, «странный человек».

— Но тем не менее он раскрывается перед читателями. Как? Когда?

— Вот разговор Юрия и Фарбера в 20-й главе II части. Здесь мы все-таки кое-что узнаем об этом человеке, понимаем, отчего он так «задумчив и странен». Он винит себя за то, что в мирное время легкомысленно относился к войне и военному делу: «Это, видите ли, не мое призвание. Мое дело, мол, математика... Наука». Винит себя за то, что он не думал тогда о том, что «от нас будет зависеть жизнь десятков людей». А на войне ему сразу дали тридцать молодых и велели обучить. «Четыре месяца я их учил. Чему я мог их научить?» Фарбер мучительно переживает также, что не может «разоблачить старшину, который крадет продукты у бойцов». Интеллигентность мешает преодолеть «это непреодолимое препятствие».

— Но несмотря на свою неприспособленность к войне, он все же, как мы узнали, отказался от «совсем не плохого места в штабе фронта», а находится на передовой, потому что не может иначе. А как этот человек поднимается в наших глазах в сцене суда над Абросимовым! Это уже не «неполноценный очкарик», это решительный, твердый человек: «Храбрость не в том, чтоб с голой грудью на пулемет лезть. Ширяев сберег бы людей. Сберег, чтобы они могли воевать. Сейчас их нет. Я считаю, что таким людям нельзя командовать. Вы сами трусы! Вы сами не пошли в атаку!» И читатель на стороне Фарбера.

— В кинофильме «Солдаты» (1958, режиссер Александр Иванов) роль Фарбера играл И. М. Смоктуновский. Таким вы себе его представляли? (Показываю фотографию.)

— Мы с вами говорим, что большинство персонажей повести — настоящие герои. Скажите, а почему такое «приземленное» название — «В окопах Сталинграда»? Может, автору следовало по-другому назвать свое произведение: например, «Герои Сталинграда», «Великая битва» (в духе литературы того времени)?

— То, что они герои — читатель понимает сам, без подсказки. А для автора это обычные люди, просто, честно и добросовестно делающие свое дело.

— Подобное название противоречило бы авторским задачам, всему ходу повествования. Ведь действие повести буквально происходит в окопах, в которых бойцы проводят недели, месяцы, годы. Слово «окопы» упоминается уже в первой главе: «А я каждый раз выслушивай нотации командира полка: «Когда же вы, уважаемый товарищ инженер, научитесь по-человечески окопы рыть?» Не случайно оно и в последней главе, когда каждому — снова по лопате — и «пошли, инженер, НП копать». Бойцы — на протяжении всей

повести — роют их и перекапывают. В Сталинграде, ожидающем наступления фашистов, «все ходят на окопы», и вокруг города уже вырыто «три обвода». Юрий после лобовой атаки сам проводит в узком окопчике — воронке от бомбы — девять часов.

Обобщаю сказанное учащимися:

— Вы правы. Сама Сталинградская битва, согласно авторской задаче, видится читателю из этого самого окопа. Когда наблюдаешь величайшую битву не с высоты птичьего полета, а из окопа, то лучше виден человек — не винтик в боевой машине, а личность. Об этом пишет и Василь Быков: «Виктор Некрасов, может быть, первым в нашей литературе явил миру правоту и высокую сущность индивидуальности на войне, значение личности... в среде, менее всего для нее уместной, среде, какой являются война и армия, с их абсолютном подчинения одного все, с жестким нивелированием всякой разности».

Обращаю внимание ребят на своеобразие освещения писателем фигуры Сталина:

— В названии повести упоминается и Сталин (Сталинград — город Сталина). Каким образом он появляется в некрасовском окопе?

Ответ на этот вопрос в качестве домашнего задания готовили несколько человек.

— В отличие от другого сорта литературы, в отличие от многих батальных кинофильмов, никто в повести Некрасова не кричит «За Родину! За Сталина!», бросаясь в атаку. Но Сталин все же появляется в окопах несколько раз: в углу у Валеги и Седых «портрет Сталина и две открытки: Одесский оперный театр и репродукция репинских «Запорожцев»; потом — в землянке у Карнаухова — рядом со Сталиным, вырезанным из газеты, список позывных и портрет Джека Лондона. В 19-й главе II части — в разговоре Керженцева с Ширяевым — Ширяев признает заслуги Сталина: он «два отступления выдержал», он «весь фронт держит». Но серьезность разговора снижается спором о том, успеет ли Сталин прочесть газеты — вот и все упоминания о великом вожде — вдохновителе побед. И еще — в листовке Гитлера: «Город, носящий имя Сталина, в наших руках».

— Для нас, современных читателей, ничего особенного в этом нет, а вот А. Верзер пишет, что, так приземляя образ вождя и учителя, Некрасов «вышел на острие ножа». Но — такова была правда, какую знал и видел писатель: «правда на нашей стороне, а это в литературе главное».

— Сталина в повести почти нет, но зато дает о себе знать общественно-политическая система, им созданная: то «проверяющие» нагрянут, то «наблюдатели». Когда штабного капитана, все время что-то записывающего, Керженцев прогоняет из землянки, чтобы не мешал, тот угрожает Юрию встречей с ним «в другом месте». Негодяй и карьерист Абросимов, угробивший людей в

одному ему нужной атаке,— тоже порождение той системы.

— Системы,— завершаю я беседу,— которая выталкивала из общества, из страны каждого самостоятельно мыслящего человека, потому что он, как пишет В. Кондратьев,— «уже только одним своим существованием выявлял ее порочность и бесчеловечность». Эта система вытолкнула из страны и самого Виктора Некрасова, сделала невозможным всякое печатное упоминание о нем, изъяла из библиотек его книги, поставила на всем его творчестве большой жирный крест, лишив читателей на многие годы «честного, незамутненного человеческого взгляда на проклятую и великую нашу войну с фашизмом», как пишет В. Быков. Кто знает, если бы книги Некрасова и многих других замечательных русских писателей — от Набокова до Максимова не были вычеркнуты из жизни страны, из литературного процесса, может быть, и наша литература, и наша страна были бы сейчас другими...

Но случилось то, что случилось. И писатель Некрасов, как и многие другие, умер не в России и похоронен в Париже. Он не успел вернуться. Вернулись его книги, которые, как надеется писатель В. Быков и надеемся мы, «сослужат свою благородную службу в утверждении правды и справедливости — качеств и сегодня, как и всегда, весьма дефицитных, на нашей святой и грешной земле».

И пусть в ваших сердцах, ваших душах навсегда останется след от этой встречи с писателем и человеком Виктором Платоновичем Некрасовым, умным и честным, жестким и ироничным, добрым и мужественным, по-настоящему талантливым.